ГЕОРГИЙ МАЛИС

ПСИХОАНАЛИЗ КОММУНИЗМА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
ПРОФ. К. И. ПЛАТОНОВА

«Что же такое наша революция, если не бешеное восстание против стихийного бессмысленного биологического автоматизма жизни... — во имя сознательного, целесообразного, волевого и динамического начала жизни?»

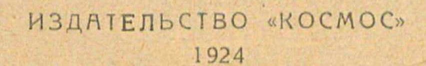
Л. Троцкий

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КОСМОС»
1924

ГЕОРГИЙ МАЛИС

ПСИХОАНАЛИЗ КОММУНИЗМА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
ПРОФ. К. И. ПЛАТОНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КОСМОС»
1924

Отпечатано 4000 экземпляров
Полтав. Полиграфоб'единение
Первая советская типография
РУП № 873 Заказ № 838—1177

Анне Георгиевне
Раковской

посвящаю эту работу

Георгий Малис

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Есть учения и теории, которые принимаются общественным мнением лишь после особенно долгой и неустанной борьбы различных течений за и против выставляемых ими положений. Чрезмерное увлечение и переоценка их со стороны самого автора и его горячих последователей, чрезмерное отрицательное и даже враждебное отношение противоположного лагеря — все это крайности, мешающие долгое время выявлению действительной и беспристрастной оценки нового учения. Должно пройти много времени, чтобы последнее стало на незыблемую почву чистой научной истины.

К одному из таких учений принадлежит и психоанализ, учение венского психиатра — проф. Фрейда, всколыхнувшего своей сексуальной теорией происхождения психоневрозов не только круг лиц специального образования, но и вообще всех широко мыслящих людей, и продолжающего волновать общество и по настоящее время. Причина такого отношения к психоанализу кроется, главным образом, в том распространенном толковании libido, полового влечения, которым Фрейд стремится обосновать все сложнейшие и тончайшие проявления не только больной и здоровой души отдельного человека, но и всей духовной культуры человечества в целом. В этом заманчивость фрейдовского учения, но здесь же таится

и опасность для него. Такое толкование способствует все большему и большему увлечению теорией, что, безусловно, мешает дальнейшей работе, точным исследованиям, и без того трудным, требующим большой специальной психологической и психопатологической подготовки.

Учение о психоанализе имеет свою тридцатилетнюю давность. Несмотря на резкую, весьма отрицательную критику, появившуюся со стороны огромного большинства невропатологов и психиатров одновременно с рождением фрейдовского учения, интерес к последнему не ослабевает; борьба за обладание ядром истины, скрытым в нем, продолжается и до нашего времени, но уже с меньшим чувством недоверия, иронии и огульного отрицания. Многое отрицательное в этом учении должно быть отмечено, многие неудобства и вредности, связанные с ним, должны быть подчеркнуты, но на ряду с этим необходимо указать и на тот неоценимый положительный вклад, который внесен этим учением в область действительного причинного понимания элементарных и сложных процессов нервной организации человека.

Пользуясь предложением уважаемого автора этой брошюры, я решился в письменной форме изложить те мысли, которые были высказаны мною в моем вступительном слове к лекции, недавно им прочитанной. Мы считаем необходимым в связи с все возрастающим интересом широких кругов к психоанализу лишь указать в общих чертах на теневые и светлые стороны этого учения.

Идея о психоанализе родилась в области патологии. Изучая психоневрозы, в частности, истерию, и стремясь уяснить происхождение как каждого симптома в отдельности, так и комплекса их, Фрейд пришел к заключению, что в основе психоневрозов лежат сексуальные переживания преимущественно детского возраста. Не изжитые, не отреагированные взрывы чувств, так назыв. „аффекты", подавляются, вытесняются из сознательной сферы, уходят в область бессознательную и остаются там неопределенно долгое время — но не без влияния на поведение индивидуума и на характер внешних реакций его. Не пережитое в сознании продолжает переживаться в подпольи сознания, выявлясь во внешнюю сознательную жизнь больного в форме отдельных или групповых симптомов, которые символизируют скрытые от самой личности переживания: не удовлетворенные чувства, не выполненные желания и т. д. Для выявления этих патологических символов необходимо соответствующее благоприятное условие — ослабление нервно-психического тонуса, в связи с тяжелыми, преимущественно психическими травмами (моральное потрясение, внутренний конфликт, борьба с совестью) а, также, моменты, ослабляющие ясность сознания — вплоть до сонного состояния, когда под влиянием отсутствия цензуры сознания разыгрываются разнообразные картины символического характера в форме сновидений. Такое же символическое значение могут иметь описки, оговорки, случайные движения и т. д. Расшифрование этих символов, resp. болезненных симптомов, как

например, истерия, параличи, навязчивые идеи, страхи — и является задачей психоанализа, который проводит тем или иным путем исследователя в тайники души, в область Бессознательного, помогает отыскать там „вытесненное“ — забытый, когда то ущемленный аффект, вынуть эту психическую занозу, заставить вспомнить о ней и вместе с этим помочь носителю невроза окончательно изжить свое горе, уже сознательно отреагировать на раньше воспринятый, но оставшийся без ответа раздражитель. Тогда надобность в болезни, в этой символике бегства, куда спасается неудовлетворенное „Я“, отпадает и болезнь проходит. Вот в грубых чертах механизм генеза психоневроза, как его рисует Фрейд, который, таким образом, подчеркивает большое значение в нашей душевной жизни того, что раньше не привлекало к себе внимания, а, именно, скрытого от нас огромного внутреннего мира, известного под именем Бессознательного. Большая часть сложных форм нашей сознательной жизни (религиозное чувство, поэзия, искусство и проч.) в основе своей имеет, по Фрейду, все то же вытеснявшееся и вытесняемое условностями быта половое чувство.

Не отрицая большого значения сексуальной сферы в духовной жизни человека, придавая высокую ценность фрейдовской теории сублимирования, т. е. превращения сексуальной энергии в энергию других видов и форм вплоть до высших, нельзя никак согласиться с Фрейдом в утверждении исключительно сексуального генеза неврозов и психоневрозов. В этом

обнаруживается то увлечение, недочет которого исправляется самою жизнью и самими фактами. Каждый невропатолог и психиатр встречается с различного рода невротиками, разнообразными случаями психоневрозов, где сексуальная травма не имела и не могла иметь никакой роли; подтверждением этого могут служить точные результаты лечения другими психотерапевтическими способами без вскрытия сексуального момента.

Возьмем ряд примеров. Известный американский психопатолог Morton Prince описывает случай боязни у одной сорокалетней женщины колокольных башен и колокольного звона. Для правоверного фрейдиста сексуальный символ этих предметов был бы ясен (penis, testiculi). В состоянии гипнотического сна, в котором легче всплывают бессознательные переживания, была раскрыта и истинная причина заболевания. Когда больной было 11—12 лет, она вместе с матерью, находящейся в опасном положении, приехала в город для хирургической операции; остановились они в гостиннице, подле которой была церковь с колокольней. Девочка волновалась за жизнь матери. Во время производства операции ее волнение и страх достигли наивысшей степени; звонившие же в это время колокола раздражали и еще более усиливали ее тяжелое состояние. Гипноз вскрыл настоящего условного раздражителя, который явился источником условного патологического рефлекса в форме фобии.

Возьмем другой случай — из наших наблюдений. Больная, 28 лет. Несколько месяцев у нее держится

внезапно развившийся безотчетный страх: боязнь мужчин и красных шапок. Для истого фрейдиста и тут сексуальная символика ясна и проста. (У данной больной никакой патологической наследственности нет; всегда была здорова; лишь условия революционной эпохи держали ее в приподнято-боязливом настроении). Гипноанализ показал, что больная во сне видела группу вооруженных в красных шапках, ворвавшихся в поисках какого то преступника в ее квартиру. Сновидение это ею было забыто. Оно было вытеснено, заторможено ощущениями более ярких раздражителей. В данном случае связь между причиной и следствием, ясная во время сонного состояния, оказалась непонятной в состоянии бодрствования; патологический условный рефлекс, быстро воспитавшийся во сне, вылился в безотчетную фобию. Внушением же в гипнозе этот рефлекс, эта временная связь, была устранена и больная избавилась от своего мучительного страха.

Вот два весьма важных в лечебно-практическом отношении примера, указывающих на возможность генеза фобии и вне сексуальной сферы. Нам кажется, что в происхождении неврозов и психоневрозов не меньшую роль играет не только инстинкт сексуальный, но и инстинкт самосохранения,* и современная эпоха дала нам в этом отношении достаточный материал, чтобы утверждать это. Наблюдая вышецитированные и им подобные многочисленные случаи,

* Хотя в последнее время инстинкт самосохранения включен Фрейдом в сексуальный.

огромное большинство специалистов не принимает целиком учения Фрейда — чем отчасти и об'ясняется весьма малая распространенность психоанализа, как лечебного средства. Но этому способствуют еще и другие теневые стороны техники применения этого учения, как лечебного метода. Прежде всего, здесь имеется большая погрешность с точки зрения научной: слишком много суб'ективизма и предвзятости. Психоаналитик-фрейдист уже заранее подходит к больному с сексуальным предубеждением, старается во что бы то ни стало найти сексуальный комплекс, сексуальную травму и, не учитывая внушаемости об'екта, сам того не замечая, невольно прививает ему стремление непременно найти половой момент и видеть его даже там, где он не имел места. Эта сторона психоаналитического метода — незаметный процесс внушения на яву — должна весьма затруднять работу аналитика. На ряду с этим, последнему приходится раскрывать широко двери своей интуиции и свободному толкованию новых положений; а это исключает строгую научность подхода. Самый путь проникновения в бессознательную сферу, избираемый школой Фрейда, весьма длителен и сложен. Психоаналитик должен быть вообще широко образован и даже талантлив; также в достаточной мере должен быть интеллигентен и смышлен и исследуемый; оба должны обладать достаточным временем для проведения психоанализа, который иногда тянется не только месяцы, но и годы. На ряду с этим есть и больные, для которых не совсем безразлично, а иногда и весьма

вредно возвращаться к прошлому и копаться в своих переживаниях. У неопытного психоаналитика может произойти не „освобождение" больного, а „закрепощение" его новыми ущемленными аффектами. Ошибки неопытных психоаналитиков приходится часто исправлять и, кстати сказать, довольно успешно другими видами психотерапии (внушение, гипноз). *

Вот те темные стороны учения Фрейда, психоанализа, которые не позволяют критическому уму в полной мере разделять взгляды и надежды проф. Фрейда. Кроме них, есть еще одна отрицательная и опасная с нашей точки зрения сторона. Это—чрезмерное фиксирование внимания на половых представлениях, которые могут быть источником весьма тяжелых осложнений со стороны невропсихики. Начало этому может положить то неправильное понимание, которое встретило учение Фрейда в большей части нашего общества. Для правильной оценки пансексуализма Фрейда необходима большая и тонкая научная подготовка. Слишком много глубокого и тонкого в этом учении, чтобы каждый мог бы подойти к нему так, как этого требует научный такт, дабы не дискредитировать ценность его. Не подготовленный, в особенности молодой ум не может избегнуть того, чтобы фрейдизм не толковать без прямого понимания вещей. Если

* Нельзя отрицать, что в случаях излечения психоанализом существенную роль играло внушение, которого из психических процессов исключить нельзя. Ведь убеждение врача, что пациент излечится только психоанализом, есть вселение больному веры в этот метод, а в этом уже начало внушения!

косвенное, символическое, им и принимается, то все же доминантой останется прямое и непосредственное— не в меру возбуждающее половое чувство, которое и без того в известном возрасте является местом наименьшого сопротивления. С этой точки зрения, с широкой популяризацией фрейдовской теории, как нам кажется, нужно быть весьма осторожным. Оно слишком серьезно и глубоко, оно еще требует слишком большой исследовательской работы, чтобы можно было бросить его на суждение масс, совершенно не подготовленных и не могущих в необходимой степени усвоить все то ценное, что содержит в себе учение о психоанализе. Разработка этого учения должна быть в руках лиц со специальной высокой подготовкой. Лишь выводы и результаты этой работы должны быть предложены вниманию более широких кругов.

Умелый и талантливый врач-психоаналитик окажет действительную услугу больному в тех случаях, где другие методы психотерапии будут непригодными. Фрейд своей теорией пролил много света в учение о психогенезе нервных заболеваний, что признается и его строгими критиками. Продолжая разработку вопроса о влиянии внесознательной сферы в процессе истерии (Janet) Фрейд выявил значение эмоций, настроений и переживаний в развитии различных психопатологических состояний, установил связь страданий невротиков с жизненными осложнениями и катастрофами, указал на огромное значение процесса „вытеснения“ в развитии невротических

состояний. Этим он осветил ту огромную роль бессознательной сферы жизни человека, о которой никто не имел представления, и заставил врача иначе подходить к невротику, бессознательная интимная душевная жизнь которого до того игнорировалась и не учитывалась совершенно. Если в фрейдовском учении нельзя согласиться с исключительно сексуальной этиологией неврозов, то оно все же выявляет с полной ясностью механизм происхождения невротических состояний, что помогает современному невропатологу прямо идти за кулисы душевной жизни, если не фрейдовскими аналитическими путями, то подходящими другими, но ведущими к той же цели. В этом положительная сторона венского учения, обращенная в сторону практической медицины. Благодаря психоанализу, проливается в известной мере свет и на сложные процессы психической жизни индивидуума. Законы сублимирования могут об'яснить весьма многое в проявлениях высших функций нервной организации человека. Личность, как биосоциальное существо, с ее бессознательными мотивами и индивидуальными реакциями на внешние условия, является в настоящее время предметом анализа. Чего не могла сделать прежняя психология, изучавшая лишь элементы сознательной части психической жизни, то берет на себя психоанализ. Механизм возникновения и течения сложных высших процессов психики человека освещается психоанализом также, как это делается и новым направлением у нас — рефлексологией (Павлов, Бехтерев). В учении о механизме „психических“ процессов

между психоаналитической и рефлексологической школой настолько много общего, что даже со всем своим суб'ективизмом психоаналитическое учение окажется сыгравшим историческую и весьма важную роль в переходную эпоху от суб'ективной психологии к чистому об'ективному методу изучения личности — к рефлексологии. Уже и теперь последняя представляет себе более понятным сложный вопрос строения неврозов и, вообще, процессов нормальной, индивидуальной и общественной жизни, и вместе с психоанализом подчеркивает необходимость признания власти биогенетического закона в развитии жизни человека, во всех высших и нисших формах ее проявления.

* *
*

Останавливаясь на некоторых положениях автора данной работы, можно сказать, что он, рисуя будущее общество, предполагает, что последнее в своем дальнейшем развитии дойдет до стадии „свободного выбора об'екта", т. е. до свободного беспрепятственного удовлетворения своих влечений и стремлений. В связи с этим, с его точки зрения, невротиков не будет, не будет искусства для искусства — оно уйдет в жизнь для служения практическим целям, — не будет и педагогики в нашем современном смысле слова. Мы останавливаемся на этих положениях, так как они являются отражением личных взглядов автора. Не задерживаясь пока на них, подчеркнем лишь то, что автор, намечая социальное будущее человечества, подходит к этому вопросу вполне правильно,

становясь на путь биологического обоснования дальнейшего развития форм, как личной жизни отдельных членов социального коллектива, так и последнего во всем его целом. Он пытается приложить биогенетический закон к изучению форм социального развития и, таким образом, сохраняет положение, выставляемое и поддерживаемое рефлексологией, что в основе индивидуальной и общественной жизни лежит один и тот же биологический феномен — рефлекс; следовательно, то и другое должно развиваться по одному и тожу же закону. Если индивидуум в своем развитии (онтогенез) повторяет вкратце тысячелетнюю историю развития всех предыдущих поколений (филогенез), то этот параллелизм индивидуального и родового развития может предопределять и параллелизм индивидуального и общественного развития. В жизни народов, на что уже указывалось, может быть эпоха детства, отрочества, юности и т. д. со свойственным для каждого возрастного периода идеологическим укладом. Эти эпохи многовековой жизни человечества повторяет и каждый человек в отдельности в своем духовном развитии. * Вот каким путем мы приходим к теории общественного филогенеза, учитывая который, можно с большей или меньшей точностью предопределить отдаленное будущее. Но сделать это, как пытается автор, можно лишь преодолев значительные затруднения, неизбежно стоящие на пути. Процессы развития при условиях

* Это подтверждается и законами унаследования духовных свойств предыдущих поколений седого прошлого человечества.

непременного учитывания законов наследственности и приспособляемости, при условиях индивидуальных конституциональных особенностей, с одной стороны, внешних социальных условий — с другой, и, наконец, с третьей — неизбежном взаимодействии всех этих факторов — эти процессы духовного социального развития слишком сложны, чтобы при учете их можно было предположить точную и конечную формулу вывода. Но становясь лишь на биологический путь, можно придти к более или менее определенным результатам.

Автор и пытается сделать это. Проводя параллель между развитием отдельной личности и общества, он, сначала, вместе с Фрейдом отмечает две стадии развития. Первой стадии, эгоцентризму ребенка (нарцизм по Фрейду) соответствует анимизм первобытного дикаря. Следующий этап в развитии ребенка, зависимость его от родителей, от ближайших, по выражению автора, „навязанных" об'ектов, соответствует религиозным построениям коллектива, зависимости общества от высших авторитетов. Аналогию эту автор продолжает и дальше. В определенном возрасте ребенок становится взрослым человеком. Выходит за пределы навязанных об'ектов, сам создает свою личную творческую обстановку. По мнению автора, недалек тот момент, когда и все человечество в целом подойдет к этой стадии свободного выбора об'екта. Все историческое развитие, по мнению автора, построено на удовлетворении инстинкта питания (самосохранения) и на все возрастающем

подавлении инстинкта размножения (сексуального). „Государство — общественная система накопления материальных ценностей“. Стадия свободного выбора об'екта, свободного удовлетворения всех инстинктов человека сможет наступить только при очень высоком материальном богатстве общества. Необходимым фактором последнего автор считает социалистическую революцию. Вот почему и грядущий этап филогенеза, новое общество, он называет коммунистическим. При таком взгляде становится понятным, почему в будущем обществе не будет невротиков. Каждый будет сам себе выбирать обстановку, в которой свободно сможет разрядить свою личную энергию, вследствие чего не будет поводов к „вытеснению“ и созданию, таким образом, определенной группы неврозов. Эти же свободные условия творчества дадут возможность художнику выйти за пределы искусства для искусства и творчество это свободно перенести в жизнь: архитектура включит в себя скульптуру, которая таким образом не будет существовать как символ и т. д.

Несколько своеобразно отношение автора к педагогике, в частности, к педагогам. Педагога он рисует как человека, неудачно столкнувшегося с жизнью. Тот, кто не смог реально проявить себя в обыденной работе, у кого не хватило в то же время способности найти удовлетворение в творческой фантазии художника — тот становится педагогом: среди детей „в мире психических ирреальных об'ектов он проявляет ту свою независимость, ту оригинальную форму своей личности, которую ему не удалось проявить в мире

реальном“. При таком толковании вполне естественно, что „в будущем обществе, где каждая единица найдет себе реальное место, не будет педагогов, людей сейчас себе этого места не нашедших“.

В известной мере с автором нельзя не согласиться. И сейчас, а в недалеком прошлом в особенности, педагогике посвящали себя в большинстве случаев неудачники. На старый историко-филологический факультет огромное большинство шло потому, что он был приемлемее других в силу целого ряда соображений (легкость поступления, стипендия, легче получить место и т. д.). Но, конечно, этого нельзя отнести ко всем, посвящающим себя педагогике. Известная часть людей может обладать стремлением к выявлению неудовлетворенного чувства материнства, resp. отцовства, и социально удовлетворяет его в работе педагога.

* * *

Прав автор данной работы или нет, верны ли в конечном счете положения психоанализа или не верны, сказать категорически еще нельзя. Важно одно. Современные попытки и стремления к изучению личности, ее нормы и патологии, условий ее развития, указывают на то, что далеко еще не все благополучно в обстановке плодотворного выявления „Я“ индивидуума. Условия жизненной борьбы за существование тяжелы и властно требуют облегчения. Всем известно, а врачам-невропатологам и психиатрам в особенности, сколько талантливых личностей заболевало и извращалось из-за неудачного столкновения с жизнью,

сколько творческих сил терялось из-за отсутствия возможности должного применения их, сколько этой ценной энергии уходило по кривому руслу в неприступную крепость неврозов и психозов. Эта ценная и красивая часть человечества ищет спасения пока в болезни, но она инстинктивно стремится к той форме условий жизни, которая обеспечила бы каждому возможность нормального, плодотворного существования. Всем свойственно мечтать о золотом веке. К нему смутно, с неимоверными усилиями человечество прокладывает пути и задача каждого из нас принять посильное участие в создании этого грядущего общественного счастья.

К. Платонов.

14 июля 1924 г.
г. Харьков.

ПСИХОАНАЛИЗ КОММУНИЗМА

Одна из самых изящных сказок Андерсена — его маленький рассказ, напоминающий рисунки севрского фарфора,— рассказ о сером утенке.

Утка высидела из яйца молодого лебедя. Весь скотный двор разгневан. Такой птицы ни разу не видал еще курятник. Петух колотит неуклюжего птенца. О всеобщем падении нравов верещат индейки. Из темных луж несется возмущенное кваканье лягушек.

Прошел год. Свежей зеленью покрылись деревья. Первые весенние лучи, прыгнув в озеро, плещутся веселым каскадом. Лебедь видит в воде свои белые, созданные для полетов крылья; слышит призывные крики товарищей; и плавно подымается ввысь.

Психоанализ был в науке долгое время тоже — серым утенком. Когда теория д-ра Зигмунда Фрейда впервые появилась в свет, точно также возмутились ученые петухи и индейки, и также злобно заквакали лягушки. Весна психоанализа пришла не скоро. Двадцать пять лет понадобилось Фрейду для того, чтобы подняться на почти недосягаемую для противников его высоту. Недалеко то время, когда психоаналитикам в Германии не подавали руки, когда доклады их в медицинских обществах оставались, в лучшем случае, без разбора. Сейчас Фрейд —

профессор Венского Университета. Многие из его учеников и товарищей стоят во главе кафедр. Серый утенок становится лебедем.

Не случайность, что у нас психоанализу предоставлены такие возможности для развития. Не случайность, что в Швейцарии в свое время был уволен директор учебного заведения за то, что он явился сторонником Фрейда, — а у нас Психоаналитический Институт существует на государственные средства.

И именно сейчас, когда фрейдизм становится признанным научным течением, когда началась общая переоценка ценностей, определяющих интеллектуальное развитие человечества — сейчас настало время вынести психоаналитическую работу за стены медицинских и педологических лабораторий — и, если не детально изложить, то познакомить с новым научным методом широкую публику.

I.

Ни во что потустороннее, сверхестественное мы сейчас не верим. Крупному общественному или личному несчастью, самым непонятным явлениям психики нашей мы всегда найдем реальное, вполне возможное обоснование. Зато непосредственно вблизи себя, в обыденной жизни человека, мы могли бы заметить ряд фактов, выходящих за пределы этого нормального об'яснения. В течение дня каждый из нас совершает несколько, так наз., „случайных действий“. Вместо одного слова мы произносим другое (обмолвка). Зачастую забываем какой либо предмет — карандаш,

ручку. Наконец, самое обычное, это собственно „случайные действия“. Вы никак не соберетесь отправить важное письмо; необходимую вам книгу куда-то заложили так, что не можете найти; забываете купить самый нужный предмет, хотя проходите мимо магазина.

Все эти мелочи об'яснения обычно не находят. В крайнем случае говорят, что „случайные действия“ бывают с нами тогда, когда мы усталы, рассеяны. Другими словами, — все наши обмолвки, описки, забывания есть результат только временного расстройства нашей психики.

Более внимательное наблюдение поставит это об'яснение под вопросом. Прежде всего, обмолвки и забывания бывают у нас при самом спокойном, нормальном состоянии. Далее, как бы мы ни были усталы, или взволнованы, существует целый ряд автоматических действий, которые мы исполняем с механической точностью. Музыкант, у которого дома большое горе, на сцене методически исполняет свою пьесу. Волнение мы можем рассматривать лишь как подсобный фактор, помогающий чему-то проявиться, нарушить правильный ход психической жизни, вызвав случайное действие.

Со странным пренебрежением относимся мы к нашей психике. Когда вы гуляете по лесу и видите, как падает срубленное дерево — вы ведь не скажете, что это — „случайность“, что дровосеки могли рубить сосну, а упал бы дуб. А между тем, когда вы вместо одного слова произносите совершенно другое,

забываете свой карандаш, именно карандаш, а не ручку, не часы, — тогда вы говорите, что это произошло случайно!

Основным фактором, который должен был бы заставить нас относиться более внимательно к „случайным действиям“, является их навязчивость. Если вы чувствуете, что забудете что-либо — никакие ухищрения вам не помогут. Вы запишете нужный факт на листке бумаги и затеряете листок. Положете свою запись на самое видное место письменного стола — и все же не заметите ее.

Итак, два основных момента — логическая необходимость детерминирования психической жизни вообще, навязчивость случайных действий в частности, — заставляют нас предположить, что все эти действия являются следствием определенных причин, нам не известных.

Анализ наиболее типичных случайных действий подтвердит нашу мысль.

Половина учеников класса забыла (я говорю об искреннем забывании) свои ручки дома. Школьное росписание покажет что им предстоит очень неприятная письменная работа. „Случайная“ забывчивость так или иначе избавляет их от этой неприятности.

Один из моих знакомых получил письмо из дому — крайне огорчившее его, так как родители жаловались на бедность и просили помощи. Письмо это он немедленно затерял. Все поиски были совершенно безрезультатны. Когда через некоторое время пришло другое известие, из которого видно было, что дела

дома поправились (помощи уже не просили) — немедленно нашлось и затерянное письмо. Лежало оно на весьма видном месте в среднем ящике рабочего стола.

Здесь также „случайное действие", случайная потеря письма устраняла целый ряд неприятных ассоциаций. *

Особенно интересными для нас будут характерные случаи забывания названий, иностранных слов. Искомое слово вертится у нас на языке, но что то мешает нам его вспомнить, произнести. Опять таки остается то впечатление, которое даст нам внимательный анализ любой обмолвки или забывчивости. Каждое

* Ниже я покажу, что процесс творчества дает возможность автору художественного произведения учесть свои бессознательные переживания. Вот почему каждое положение психоанализа может быть иллюстрировано любым количеством примеров из нашей литературы.

Механизм обмолвок просвечивает в „Пиковой даме" Пушкина. Герман думает только о трех картах (тройка, семерка, туз): „Его спрашивали, который час. Он отвечал — без 5 минут семерка".

В романе Степняка („Андрей Кожухов") герой отправляется на убийство Александра II. Под влиянием подавленного инстинкта самосохранения он забывает, что уже поздно и приходит после условленного срока.

„Андрей механически шел своей настоящей дорогой, но мысли его были далеко. Поглощенный ими, он не заметил, что пешеходы, которых он до этого опережал своим скорым, хотя и не торопливым, шагом, теперь обогнали его. Бессознательно он замедлил ход... Только у Пантелеймоновской церкви у него мелькнула мысль, что он как будто идет медленнее, чем следует. Он посмотрел на часы... сердце перестало биться на секунду от ужасного открытия: он опоздал".

случайное действие является случайным, непонятным только для посторонних, иногда при поверхностном подходе и для самого автора. На самом же деле, ошибочное действие всегда вытекает из определенной, как раз для него данной причины, причины нам не известной.

Первобытный человек, встречаясь в процессе познания с неизвестным явлением, приписывал это явление действию другого человека, только больших размеров — бога. Молнию он об'яснял влиянием бога грома, болезнь — влиянием злого бога, врага. Придется и нам, вступая в новую, неведомую область, уподобиться первобытному человеку. Мы вынуждены предположить, что каждый из нас носит с собою другого человека, другое сознание. Это второе сознание, второе наше „Я" мешает нам работать, вызывая ошибочные действия, заставляет забыть определенный факт, вместо одного слова сказать другое.

Картина довольно фантастическая. За то, если бы нам удалось показать эту двойственность человеческого сознания, существование бессознательных, нам совершенно неизвестных сил — всю нашу психическую жизнь мы уяснили бы целиком. Вместе с этим был бы перекинут мост к пониманию того, что сейчас об'единяется под общим названием сверх'естественного, невозможного, и что, взятое вне плоскости нашего сознания, станет и естественным и возможным.

Отойдем немного от темы. Гипнотический сон, „гипноидные состояния" сейчас общеизвестны. Для нас интересны случаи, так наз., постгипнотического

внушения. Если во время гипнотического сна мальчику прикажут после пробуждения уронить карманные часы, — приказание будет в точности исполнено. Проснувшийся, находящийся в полном сознании мальчик, подержит в руках часы, неожиданно уронит их и разобьет. На вопрос, зачем он это сделал, ответит: — „...так ...нечаянно“.

И тот же самый мальчик, когда разобьет какую-либо вещь в нормальном состоянии, забудет исполнить весьма важное дело, тоже скажет, что он это сделал „...так ...нечаянно...“.

Мы, таким образом, можем установить вполне отчетливую аналогию между „случайным действием“ и гипноидным состоянием. В гипноидном состоянии человеком руководит извне помещенная тенденция, находящаяся вне сферы его сознания и потому бессознательная. Остается сделать вывод о наличии у вполне здорового человека таких бессознательных сил. Через „случайные действия“ эти бессознательные силы и оказывают то или другое влияние на нашу психику, т. е. на всю нашу жизнь.

Здесь вспомним факт, отмеченный нами раньше, Случайные действия бывают с нами главным образом тогда, когда мы взволнованы, рассеяны. Наиболее яркие примеры ошибочных действий, а, следовательно, и действия бессознательных сил, мы найдем у невротиков (нервно-больные всегда взволнованы, всегда рассеяны). Вот почему психоанализ вырос из терапевтической практики врача-психиатра. Именно психотерапия, где правильный подход дает соответствующий

положительный эффект в здоровьи больного, смогла практически обосновать молодое научное течение.

Около 30 лет назад, тогда еще молодой врач — ученик Charcôt, а сейчас профессор Зигмунд Фрейд лечил одну истеричку. Среди ее симптомов * был один совершенно не поддающийся об'яснению. Больная не могла ничего пить. Жажду ей приходилось утолять фруктами. После долгой психоаналитической работы, т. е. систематически проводя психологический анализ всех имеющихся данных, Фрейду удалось установить следующий давно „забытый" факт. Больная однажды увидала, как из ее стакана пила грязная собаченка. Стакан можно, конечно, вымыть. Больная постаралась воспоминание в ы т е с н и т ь из своего сознания; но надломленная психика не выдержала, вытесненное всплыло, — только в другой форме. Пациентка не могла ничего пить и тем самым ей не приходилось обращаться к запачканному стакану. **

Недостаток места заставляет меня ограничиться этим одним примером. Мы видим, что ошибки, обмолвки, забывания здоровых, симптомы больных — есть результат действия подавленного, вытесненного из нашего сознания неприятного психического материала.

---

* Симптом нервно-больного, это определенное, навязчивое, непонятное для него самого действие, соответствующее нашим „случайным действиям".

** Самая терапия психоанализа состоит в том, что пациент осознает подавленное переживание. Бессознательный комплекс включается в систему сознательного мышления („Я"), — получает в ней определенное место. Тем самым прекращается и его внеконтрольное влияние.

Самый феномен „вытеснения“ психоанализ понимает, как к о н ф л и к т между биологическими запросами личности и об'ективно-социальными условиями. Представление, которое не может быть принято сознанием, определяемым современной об'ективной обстановкой, удаляется в бессознательное. Взаимодействие этих двух частей нашей психики и дает динамику психической жизни. Построив теорию бессознательного, выйдя за пределы сознания, Фрейд не перешел границ науки. Наоборот, эти границы были расширены им. В материал, который подлежит обработке человеческой мысли, он включил все переживания этого человека. Тем самым была исправлена основная ошибка Канта. Noumena, лежащие вне плоскости нашего времени и пространства, подлежат нашему изучению уже по одному тому, что у нас есть представление о них.

Во всяком случае, если бессознательное и зависит от сознания (даже противоположно ему), то проявиться оно может легче всего при ослабленной деятельности сознания. А у каждого из нас бывают состояния, когда сознание его абсолютно не работает, и, следовательно, для действия бессознательных тенденций открывается полный простор. Это — сон. Нарождается вопрос. Если вы об'ясняете все наши обмолвки и забывания, если вы сводите их к каким-то определенным бессознательным тенденциям, то попробуйте-ка об'яснить, — не впадая в черную и белую магию, — ту массу нелепостей, которая ежедневно нам всем снится, в виде, так назыв. „снов“.

Вопрос поставлен правильно. Сновидения предоставляют психоанализу новую область работы и именно здесь, на столь скользкой почве, психоанализ развивается в точную и стройную систему.

С точки зрения биологической, сон представляет собою полнейший отдых от окружающей жизненной борьбы. Спящий уходит в себя. Работа психики понижается до минимума. Даже по внешней форме (свернувшись под одеялом в клубок) мы во сне напоминаем существо, еще не тронутое жизнью — ребенка в утробе матери. Ясно отсюда, что всякое психическое переживание, как мешающее нашему отдыху, является во время сна лишним. Вот почему, сновидения должны всегда вызываться чем-нибудь посторонним, какими-либо раздражениями — внутренними или внешними.

У меня есть интересная запись, из которой видно, как шум мотора, заводимого под окном, вызвал у спящего несколько разрозненных снов.

1) Он занимает очень важный пост и едет по городу в автомобиле.

2) Город взят неприятелем и дом его обстреливается пулеметами.

3) Он с некоторыми из своих знакомых катается в Крыму на моторной лодке.

Можно было бы привести еще ряд подобных снов, вызванных плохим положением тела, давлением одеяла и проч. На анализе собственных сновидений легко выяснить, что часть их довольно успешно может быть сведена к внешним раздражениям. Правда, тут

возникает целый ряд сомнений. Во-первых, почему одно и то же раздражение (в выше приведенном примере шум автомобиля) у одного и того же спящего вызывает совершенно различные сны. И, во-вторых, чем об'яснить те всевозможные сновидения, которые снятся без всяких внешних раздражений.

Ответ ясен. Кроме внешних раздражителей имеются еще и внутренние. Поскольку, как мы видели, во время сна сознание наше не работает, мы опять приходим к действию тех же сил Бессознательного, которые мы нащупали раньше.

Вспомним гипноидные состояния. Когда мальчик исполнял приказание, полученное им во время гипнотического сна, он не мог рассказать, что с ним было во время этого сна. Но мы уверены, что это знание у него где-то есть,— загипнотизирован был именно он,— но воспоминание лежит вне его сознания. Точно также, и у спящего можно обнаружить те тенденции, которые проявились в его сне. Поскольку тенденции эти бессознательны, проникнуть к ним мы сможем лишь с помощью особого метода.

Механизм образования сновидения в общих чертах представляется таким образом. Подавленное и бессознательное переживание прорывается в сознание. Покой спящего нарушен. С помощью „дневных остатков", т. е. драпируясь в воспоминания ближайших дней, бессознательное переживание претворяется в сновидение.

Мне недавно была прислана схема сна, строение которого может быть названо типичным.

Молодой человек ложится спать после бурной ссоры со своей знакомой. Желание его завершить научный спор, обозвав ее при прощании „дурой",— вытесняется, конечно, в Бессознательное. Заранее можно сказать, что этот комплекс „дура", об'единяющий ряд аффективных бессознательных переживаний, попытается во время сна проникнуть в сознание.*

Около 5—6 снов, которые приснились ему в описываемую ночь, все вертелись вокруг образа „каменный". Ему предлагают читать лекцию о каменном веке; он сотрудничает в „Каменном журнале"; читает об'явление „Каменное И-во Каменная Новь". Попытки после пробуждения об'яснить навязчивость этого „каменный" успеха не имели. При анализе удалось установить следующий ход ассоциаций.

Каменный —

— Остатки каменных орудий, которые он видел в Крыму,

— Груды камней, которые он видел, возвращаясь из Крыма,

— Латинское слово lapis (камень),

— Рассказ Чирикова, в котором фигурирует фраза „lapis dura est" (камень тверд).

Комплекс „дура" сам по себе всплыть не мог; он ассоциировался с давно забытой фразой „lapis d u r a est". И в этом виде сознание его не приняло. Каждый

*) Сознание наше определяется окружающей средой и подавляет все, что не совпадает с требованиями этой среды. Вот почему, наиболее резкие бессознательные тенденции в бодрствующем состоянии всегда вытесняются.

раз, когда бессознательный комплекс стучался в сознание, туда проникал лишь lapis и образовывал новое, „каменное“ сновидение. Подавленный психический феномен дал о себе знать, но кружным и довольно длинным путем.*

Вышеприведенный анализ вплотную подвел нас к проблеме толкования сновидений. Предположите, что какой-то хищный зверь был у вас во дворе и исчез. Либо вы по последствиям его пребывания догадаетесь, с кем имели дело, либо-же пойдете по следам. Точно также приходится поступать, когда мы имеем дело со снами. Спящий обычно не может об'яснить ни значения всего сна в целом, ни смысла его отдельных элементов. Пациенту предлагается принять за отправную точку определенный элемент сна (в разобранном случае слово „каменный“) и сообщать все, что будет приходить ему в голову по этому поводу. Здесь, правда, мы встретимся со странным явлением. Когда будет пройден ряд незначительных ассоциаций и мы подойдем вплотную к комплексу — бессознательному комплексу — психических переживаний, которые обусловили данный сон, мы испытаем странное сопротивление. Что-то мешает больному разобраться в основной причине его сна. Это сопротивление и есть сила Бессознательного, лежащего вне контроля нашего сознания и обусловливающего как „случайные действия“, так и сны.

* Что касается формы сновидения, то вся она, конечно, целиком зависит от переживаний истекшего дня. „Лекция“, „Издательство“, „Журнал“ вызваны дневной работой спящего.

Иначе говоря, психоаналитический подход устанавливает в каждом сне две его части: явное содержание сна, которое мы понимаем, в котором разбираемся, и содержание скрытое, бессознательное, вызвавшее появление этой явной части сна, но смысл которого станет ясен лишь после описанной работы.

Я приведу несколько примеров психоаналитическаго „толкования снов".

Наиболее отчетливо проскальзывает подавленное желание в детских сновидениях. Если ребенку снится, что наступили его именины, которые мать очень вкусно отпраздновала; если он во сне „сколько угодно" катается на лодке — то происхождение сна нам понятно и анализа не требует.

Сновидения взрослых сложнее.

Молодая девушка едет в автомобиле. Рядом с ней мужчина, лицо которого в тумане. Цепь ассоциаций, вызванных автомобилем приводит к воспоминанию о поездке старшей сестры с мужем в таком же точно автомобиле.

Сон выражает желание быть на месте старшей сестры.

В техническом отношении интересен следующий сон, приснившийся подростку лет 16 — 17. В первой половине он символически занимается онанизмом. А во второй — хочет заняться воровством. Впрочем, ранее он должен вообще разрешить вопрос — можно ли воровать.

Сон зрительными образами выражает мысль подростка, что заниматься онанизмом также плохо, как и воровать. Вместе с тем обнаруживает желание ближе познакомиться с половой проблемой.

Из сновидений, разобранных самим Фрейдом, характерно следующее: больному — немцу снится, что его скупой брат застрял в ящике. По поводу ящика ему приходит в голову „шкаф“ („Schrank“).

Во сне проявилось его мнение, что брат слишком ограничивает себя („Schranksich sein“).

Литература укажет нам еще неограниченное количество проанализированных снов. Поскольку задачи моей статьи состоят не в изложении всей теории психоанализа, а лишь в том, чтобы отметить основные его положения, — будем считать установленным, что в сновидении претворяются определенные наши бессознательные тенденции. Поскольку эти тенденции бессознательны, проникнуть к ним обычным путем невозможно. Только прекращение контроля сознания и наблюдение за потоком „свободно приходящих“ нам в голову мыслей даст нам возможность установить силы, которые проявились в данном случае. *

* „Жизнь двойственна: наш сон свой мир имеет...
Обширный мир действительности дикой,
Встающие в нем грезы дышут, плачут,
Блаженствуют и мучатся; они
На добрый дух кладут свои оковы,
Снимают гнет с недремлющих забот,
Двоят нам жизнь и делаются частью
И нас самих и наших всех часов.“

Байрон „Сон“ пер. Н. Гербеля т. I.

Коль скоро Бессознательное входит в общую динамику психической жизни, бессознательные силы имеют возможность в значительной степени влиять на нашу жизнь. Далее, Бессознательное несравненно шире сознания, узкое поле которого тесно замкнуто в непосредственной об'ективной обстановке; оно в состоянии фиксировать и учитывать неограниченное количество отдельных моментов. Следовательно, знакомство с ним, хотя бы с помощью толкования снов, может предохранить нас от очень больших жизненных ошибок и неудач.*

Здесь необходимо провести резкую границу между научным подходом к делу и простым суеверием. Поскольку мы анализируем наши с о б с т в е н н ы е случайные действия, мы вправе делать любые выводы. Если, собираясь на какое-либо важное предприятие, вы сначала затеряете необходимые документы; потом будете долго и безуспешно искать куда-то положенную шляпу; наконец, забудете название улицы, куда нужно идти—можете смело оставаться дома. У вас есть что-то, что мешает вам выйти из дому. Это желание не участвовать в предприятии, вами подавлено, не сознается

* До сих пор учтены только самые поверхностные моменты спиритизма и телепатии. Если впоследствии нам придется действительно встретиться с явлениями метафизическими, т. е. лежащими в другой плоскости четвертого измерения, то сознательно изучить эти явления мы сможем только через Бессознательное. Ибо бессознательные переживания также не подчинены законам нашего времени и пространства. В данное время нам достаточно явления гипнотизма, телепатии представлять как результат энергетического контакта с бессознательным миром об'екта.

как бессознательное. Все же оно сможет прорваться во время самой работы и пагубно отразиться на исходе задуманного дела. *

В этом смысле прав был отчасти древний римлянин, который отказывался от задуманного похода, так как спотыкался у порога, или нечаянно ронял меч, садясь на коня. Прав был и тот жрец, который, растолковывая сон Александра Македонского, предсказал ему взятие Тира, — прав был постольку, поскольку во сне Александра он разобрал непреклонное, хотя и бессознательное, желание не отходить от стен города пока он не падет.

Ошибка суеверных людей в том, что они вместо анализа своих собственных психических переживаний, анализируют переживания существ, которые ни в каком психическом контакте с людьми не состоят. Перебежала ли кошка вам дорогу, встретили ли вы похороны — все это об'ективные факты, с которыми отнюдь не сталкивается ваша судьба.

Само собою разумеется, мнение наше о претворении в сновидении бессознательных желаний спящего, вызовет много возражений.

* Вспомните плеяду ошибочных действий, которые мешали гоголевскому городничему выйти из дому встречать Хлестакова. Он забыл шпагу, шляпу. Дело в том, что бессознательно городничий — старый опытный служака николаевской Руси — не мог не чувствовать, что что-то неладно в обстоятельствах, окружающих нового ревизора. И если бы он, посчитавшись с этими своими бессознательными желаниями, остался отдохнуть дома и послал бы навести справки о Хлестакове, — мы, может быть, лишились бы величайшего произведения нашей литературы, но сам Сквозник-Дмухановский избавился бы от очень больших неприятностей.

Дама, видевшая во сне умирающего мужа, скажет: „неужели можно предположить, что я хочу смерти моему мужу?“

„Как могли вы сказать, что я желаю гибели своей семье“, спросит человек, который, действительно, всю свою жизнь посвятил этой семье.

Абстрактный теоретик-рационалист просто скажет— не может быть, чтобы в душе человека заложено было столько отрицательных побуждений.

И, все же, возражения эти отнюдь не опровергают положений психоанализа. Достаточно обратиться к любому общественному процессу, выбрасывающему сознание человека из наезженной колеи, хотя бы к последней империалистической войне. Неужели тысячи зверств и жестокостей, зафиксированных в 1914—16 г. были бы совершены, если бы в глубине души каждый солдат не был бы к ним предрасположен?

Тут нам станет понятным, почему сновидения зачастую принимают такой нелепый характер; почему для выражения наших желаний, хотя-бы подавленных, приходиться пользоваться такими неясными путанными образами.

Мы видели уже, что сознание человека зависит от идеологии всего общества, от современных ему производственных отношений. Все, что не соответствует этим производственным отношениям, в сознание пройти не может; если же и проходит („каменное“ сноведение), то в измененном, замаскированном виде. Психическую инстанцию, которая проводит эту защиту сознания от бессознательных желаний, мы называем

„цензурою сновидений". Роль ее, таким образом, сводится к задерживанию или маскированию тех наших желаний, которые с точки зрения общества являются недопустимыми. Вот почему в явной части сна, получившейся после работы цензуры, неузнаваемо растворяется его скрытое и подлинное содержание.

Я приведу пример этой работы цензуры. Мальчику снится сон. Скрытое содержание его: „мать у хлебной печи" („Хлебная печь" является резким сексуальным символом). Явная часть сновидения, после обработки его цензурою: „мать на столе, около нее вода, огонь, мука". Недопустимый образ „Хлебная печь", был, таким образом, расчленен почти до неузнаваемости.

Кончая отдел сновидений (выводы из психоаналитического изучения его выходят за пределы этой книжки), я остановлюсь еще на одном моменте. В снах проявляются наши бессознательные желания. Поскольку человек представляет собою определенную биологическую единицу, можно предположить, что основные бессознательные тенденции у людей одни и те же; и, кроме того, что для выражения этих тенденций цензура будет пользоваться одними и теми же образами. В действительности, мы и видим ряд образов, имеющих определенное, раз навсегда установленное, символическое значение. Смысл того или иного символа устанавливается путем сравнения данных, взятых из снов же, разговорного языка (многие символы прочно укрепились в обыденной речи), из мифов. Миф, народная сказка, в точности соответствует

по своему строению сну. Если сон — фантазия человека, то миф — фантазия народа. Когда данный образ имеет в древних мифах свое определенное значение, когда это же значение он сохранил в языке некоторых народов, когда, наконец, анализ снов открывает за ним такое же значение, только тогда мы рассматриваем его, как символ. Понятно, что встреча в сновидении символа — образа, имеющего определенный скрытый смысл — значительно облегчает задачу толкования. Каждый психоаналитик знаком со значением наиболее часто встречающихся символов — дома, комнаты, оружия, подымания по лестнице, преследования, летания по воздуху, падения и т. д. и т. д. Достижениям психоанализа в этой области посвящена обширная специальная литература и излагать их здесь нет смысла.

Я резюмирую. На анализе случайных действий и снов мы убедились в двойственности нашего сознания, в существовании так назыв. бессознательного мира. Мы выяснили, что Бессознательное проскальзывает к нам в виде обмолвок, забываний здоровых, симптомов больных, но ярче всего проявляется оно в снах. Этим мы установили, что „случайное действие“, сновидение, есть изживание нашим сознанием бессознательных сил. Они представляют собою те лазейки, по которым Бессознательное прорывается в нашу сознательную жизнь и на которых его можно проследить и узнать.

Остается выяснить структуру и развитие этих неизвестных нам сил. Если окажется, что в основе

их лежит биологическая природа человека, его бытие; мы попытаемся указать новые пути, по которым бытие человека может определить его сознание. Тем самым мы включим психоанализ в более мощную, уже социологическую систему.

II.

Развитие человеческого индивидуума, как и простейшей клетки, определяют две основные тенденции. Первая — потребность питания, голод. В плоскости социальной она соответствует инстинкту личного самосохранения. Второй основной момент нашей жизни — потребность размножения, которая с точки зрения общественной совпадает с инстинктом сохранения рода.

Голод удовлетворяется нами сравнительно регулярно. В большинстве случаев об'ективные условия не настолько тяжелы, чтобы нам приходилось вытеснять из своего сознания желания, связанные с потребностью питания.

Что же касается стремления к продолжению рода, так назыв. „libido“ то — мы знаем это из обыденной жизни — общество употребляет все усилия, чтобы заставить личность эту ее потребность сжать, подавить, повести по определенному о б щ е с т в о м намеченному пути. Все, что не соответствует интересам коллектива признается „безнравственным“ и вытесняется из сознания. Отсюда ясно, что содержание нашего Бессознательного (психических переживаний, не принимаемых сознанием) составляют главным образом либидинозные тенденции, связанные с половым

чувством, с инстиктом сохранения рода. Через этот последний libido и представляет источник большинства психических моментов социального порядка. Ибо, как уже было указано, половое чувство связано с стремлением к сохранению не отдельного индивидуума (это — задача голода), а всего рода, социального целого.

Поскольку под libido мы подразумеваем базис большей половины наших психических переживаний, в высшей степени интересно будет воспользоваться психоаналитическим методом и проникнуть в этот бессознательный, но столь важный для нас мир.

Основной вопрос: о т к у д а появляются те запросы полового влечения, которые мы вынуждены вытеснить и к о г д а это вытеснение происходит.

Со всеми нами происходит одно весьма странное явление. Хотя, казалось-бы, оно несравненно занимательнее и крупнее какой либо обмолвки, внимания мы уделяем ему ровно столько же. Это — так назыв., „инфантильная амнезия", забывание впечатлений детства. Какой бы хорошей памятью вы не обладали, из переживаний детства в возрасте до 5—7 лет у вас остается очень незначительное количество. Пара отчетливых воспоминаний о каких либо особо крупных моментах заставляют вас восторгаться своими выдающимися умственными способностями. А где же вся жизнь ребенка? Где то богатство впечатлений, которые искрящимся потоком проходят через — не всегда золотое, но все таки богатое — детство ребенка? Ослабела память, слишком много лет протекло? Но,

если вам пятьдесят лет, вы отчетливо помните, что было с вами в двадцать лет, т. е. тридцать лет назад. А когда вам только двадцать лет и со времени детства протек вдвое меньший срок — 15 лет — вы никак не можете вспомнить те события, пережить которые вам пришлось ребенком в пять лет.

Вспомните „случайные действия",— забытые ручки, письма, иностранные слова, с которыми у вас были связаны неприятные ассоциации. И в данном случае придется предположить, что все переживания детства вышиваются нашим сознанием на очень неприятной психической канве. Вот почему впоследствии они вытесняются в Бессознательное, вот почему проникнуть в детство и ответить на все нами ранее поставленные вопросы смог только психоанализ. Достижения его я изложу здесь в готовом виде. Много труда было потрачено на проверку их, на координирование с современными данными науки. И все же в общих чертах, историю развития libido, бессознательных половых желаний, мы представляем себе такой же, какой ее изобразил свыше 20 лет назад Зигмунд Фрейд.

Когда ребенок рождается, те основные стремления, которые будут им руководить в будущем, имеются уже на лицо. Грудной младенец обладает и голодом и половым влечением. Пути для удовлетворения своих желаний он вынужден избрать несколько особые. Первые годы жизни ребенок находится всецело под властью принципа удовольствия, „lustprinzip". Он счастлив своими собственными переживаниями,

признает лишь то, что ему необходимо. И, если, удовлетворяя свой голод, он вынужден считаться с об'ективными условиями (пищу он получает извне), то при удовлетворении libido ему достаточно личных психических переживаний. Он счастлив, чувствуя отдельные члены своего тела, счастлив, когда прислушивается к растительным процессам, происходящим в этом его „Я". Таким образом, первой стадией развития сексуальности человека является стадия автоэротическая. Ребенок испытывает удовольствие от переживаний отдельных, чисто животных, но все же его собственных жизненных процессов. Отсюда вытекает и образование „эрогенных зон"— частей тела, раздражение которых дает сексуальное наслаждение. Этими зонами у ребенка являются „оральная зона" (область губ, с помощью которых он принимает пищу) и „анальная" (играющая роль при освобождении кишечника). Кормилицы, няньки отлично это знают. Младенец зачастую сосет грудь матери или пустую соску, когда уже сыт. На испытываемое при этом удовольствие указывает тот факт, что воспитательницы успокаивают грудных детей, когда дают им пососать что-нибудь. Точно также, процесс удаления пищи растягивается маленькими детьми по усмотрению.

Автоэротическую фазу, фазу самоудовлетворения, замыкает н а р ц и з м. Ребенок отчетливо сознает все свое тело в целом, ни о чем не думает, кроме самого себя, смело противопоставляет свое „Я" окружающему миру. Иначе говоря, половое влечение он фиксирует пока на самом себе.

Наступает момент (4 — 5 лет), когда libido начинает постепенно освобождаться от нарцистических переживаний. Личность ребенка покинута им. Libido ищет новых, внешних об'ектов. Ближе всего к ребенку его родители. Нет ничего удивительного в том, что новый об'ект сексуального чувства у детей, это — их мать, которую они чаще всего видят, которая им наиболее близка. Любовь к матери и близким об'ектам (братьям, сестрам) ничего общего не имеет с половым чувством взрослого. У ребенка сильны еще „эрогенные зоны", которые мы отметили выше; половые органы не развиты; удовлетворение он испытывает всем своим телом. На этой ступени развития половое влечение соответствует нежному чувству, совершенно не имеющему узко-сексуального характера, которое обычно называют „платоническим". Когда впоследствии libido у взрослого человека примет законченные формы, в него войдет необходимым компонентом и это чувство.*

В этом же возрасте, о котором я говорил, наступает особый период, период скрытого развития libido. Пока организм созревает, готовится выступление на первый план половых органов и вместе с ними, вместо первоначальной неопределенности, ярко очерченных половых признаков. Ребенок начинает чувствовать

* Воспоминания о первых ступенях развития могут всегда всплыть. Многие из мужчин при выборе об'екта своей любви руководствуются материнским образом. Вертер (Гете) полюбил Шарлотту в тот момент, когда она кормила детей и была наиболее похожа на его собственную мать.

окружающую социальную обстановку, ее обычаи и требования. На первый план вместо lustprinzip выдвигается realprinzip. Образуется новая психическая инстанция — соответствующая совести взрослых, „цензуре сновидений“ спящих, „категорическому императиву“ Канта, „табу“ дикарей — и учитывающая интересы исключительно об'ективной реальности. Все, что в будущем сможет угрожать благополучию общества — воспоминания о детских эрогенных зонах, переживания сексуального влечения к матери, — все это признается недопустимым, „безнравственным“, вытесняется из сознания, забывается, и впоследствии дает энергетический источник тем бессознательным силам, с которыми мы имели дело в I-й главе.

Подходит последний этап — стадия половой зрелости, созревания половых органов человека. Период скрытого развития libido кончен. Ребенок освобождается от авторитета родителей. Вырвавшееся на свободу половое чувство физиологически опирается на наши гениталии и приобретает определенно чувственный характер; вместе с тем оно включает в себя необходимой составной частью тот комплекс более ранних переживаний, который мы назвали „платоническим чувством“.* Комбинация этих двух компонентов и образует „любовь“. Подавленные переживания детства вытеснены безвозвратно. Они могут проявляться в сновидениях, могут давать

* Положение психоанализа о двух моментах развития libido нашло себе подтверждение в последних работах Штейнаха.

материал для наших „снов на яву“—фантазии. Бессознательное нормального человека проходит в реальную жизнь лишь как сублимированное, т. е. тогда, когда подавленные желания личности ею хоть и не осознаются, но все же энергия их может быть отщеплена и употреблена на создание социальных, общественно полезных ценностей.

В некоторых случаях даже вытесненные воспоминания жизни ребенка могут оказать крупное влияние на всю нашу жизнь. Об'ясняется это тем, что то или другое воспоминание слишком ярко для нашей психики, слишком фиксирует на себе наше внимание

Приведу ряд примеров.

„Оральная эрогенная зона“ младенца фиксирует половое чувство на слизистой оболочке губ. Самые нормальные люди считают поцелуй неот'емлемым признаком любви. У некоторых невротиков, он даже заменяет сексуальное удовлетворение. Между тем, поцелуй—такое же раздражение слизистой оболочки губ.

„Анальная эрогенная зона“ непосредственно связана с явлениями „мазохизма“ и „саддизма“. Саддизм (удовольствие от причинения раздражения) соответствует мускульным усилиям детей повлиять на ход очищения кишечника. Желание продлить данный процесс и сопровождающее его наслаждение, вызывает внимательное и бережливое отношение маленьких детей к их выделениям. Процесс сублимирования дает нам из такого ребенка человека с общей скупостью. Скупость всегда носит оттенок саддизма, так как

вытекает из одного бессознательного сексуального источника. *

Наиболее ярко претворяется в реальной жизни самый сильный момент в развитии libido: эдиповский комплекс (любовь сына к матери и вытекающее отсюда желание от'езда, смерти отца). Эта группа бессознательных переживаний не только отражается на всей нашей жизни, не только обуславливает большую часть нервных заболеваний, но имеет еще мало изученное и весьма крупное влияние в области филогенетического развития, развития рода.

Поскольку развитие отдельного человека повторяет развитие человечества в целом, каждой стадии libido соответствует определенная ступень в истории человеческого рода.

Нарцизм ребенка соответствует анимизму первобытного дикаря. Как нарцистический ребенок уверен

* В „Скупом Рыцаре" Пушкина сексуальность скупости, замена процессом накопления полового удовлетворения, заметна в начале второй сцены, в словах старого барона:

„Как молодой повеса ждет свиданья
С какой нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой, им обманутой, так я...
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный к верным сундукам..."

А саддизм скользит в другом монологе того же скупца:

„Нас уверяют медики: Есть люди
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в сердце нож: приятно
И страшно вместе..."

в своей мощи, во всемогуществе своих желаний, так и первобытный человек считает, что он может заклинаниями (желаниями, облеченными в словесную форму) произвольно влиять на свою судьбу. Так же, как ребенок мерит мир на свой аршин, на все смотрит с личной точки зрения собственного „Я“, так и дикарь руководствуется исключительно суб'ективными переживаниями минуты. И тот и другой—„дитя момента“,—нарцистическое дитя, можем мы добавить.

На следующей стадии развития, libido, как было указано, отщепляется от личности ребенка. Первыми об'ектами его любви становятся родители. В развитии рода этому „Эдиповскому комплексу“ соответствует религиозное чувство общества. Положение это требует некоторых доказательств.

Первой религиозной системой, имеющей достаточно определенные формы, чтобы можно было подвергнуть их исследованию, является тотемизм. Краткая характеристика тотемизма такова: Тотем—животное, которое считается предком племени. Тотем передается по женской линии. Тотем нельзя убивать („табу“). Товарищи по тотему не могут вступать в половое общение („табу эксогамии“).

Проникнуть в основные моменты, послужившие причиной образования данной религиозной системы, сейчас трудно. Приходится воспользоваться аналогией с явлением, нам уже известным. Поскольку психоанализ главным образом, разработал вопросы строения неврозов, мы должны будем обратиться к невротикам, ведущим себя так же, как первобытный поклонник тотема.

Среди всех „табу“, дамокловым мечем висящих над членами тотемистического общества, часто встречаем, так называемое, „табу прикосновения“. Нельзя касаться животного — тотема. Нельзя прикасаться к вождю. Более этого, строжайше запрещено прикосновение к вещи, которая была в руках вождя.

Вот запись из обычаев племени Maiori:

„Вождь Maiori не станет раздувать огня своим дыханием, потому что его священное дыхание передало бы его священную силу огню, огонь — горшку, стоящему в огне, горшок — пище, готовящейся в нем, пища — лицу, которое ее с'ест и, таким образом, должен был бы умереть человек, с'евший пищу, сварившуюся на огне, раздутом священным дыханием вождя“.

А вот пример, так назыв. „боязни прикосновения“ нервно-больных, страдающих „навязчивыми действиями“.

Пациент требует, чтобы кинжал, купленный и принесенный в его квартиру, был выброшен. Дело в том что такой же формы оружие он видел у дяди одного своего товарища. С товарищем этим он сейчас не хочет иметь ничего общего. Поэтому он не хочет видеть и кинжал, похожий на тот, который был у дяди этого товарища.

Как видим, оба случая совершенно аналогичны. Смысл данных симптомов нам сейчас ясен. Боязнь прикосновения, dèlire de toucher, нервно-больного всегда имеет амбивалентное, двойственное происхождение. Больной потому боится притронуться к тому

или иному предмету, что этим он маскирует свое бессознательное желание воспользоваться данным прикосновением для своей определенной, преступной с социальной точки зрения, цели. У первобытных народов нет законов, которые запрещали бы им биться головой о скалу. Для этого у них нет соответствующих поползновений. И, если при всем своем уважении к вождям, мертвецам, тотему, дикарь не может даже прикоснуться к ним,— мы имеем основание сделать вывод о двойственном характере „табу". Прикосновение запрещено, так как имеется поползновение совершить агрессивное действие, причинить вред именно тому, что об'явлено „табу" и что пользуется видимым уважением. *

И поскольку, таким образом, страх дикаря перед тотемом скрывает бессознательное враждебное к нему отношение, очень важно для нас установить, какой бессознательный смысл имеет этот тотем, олицетворяющий все племя, устанавливающий незыблемые законы, пользующийся неограниченным уважением и такой же ненавистью.

Опять нам поможет сравнение с нервными заболеваниями. Некоторые из нервно-больных страдают непонятным страхом перед определенными животными. Терапевтическая практика психоанализа установила, что эти „фобии" представляют результат перенесения

* Эту вполне искреннюю двойственность, бессознательное, плохое отношение, прикрытое хорошим и наоборот, мы и сейчас очень часто встречаем в литературе и жизни (отношение Овода в романе Войнича к Монтанелли).

бессознательного враждебного чувства к отцу. Мальчик испытывает влечение к матери, желает стать ей самым близким человеком, т. е. мужем. Отсюда неприязнь к отцу, желание его ухода, смерти. Если этот эдиповский комплекс недостаточно подавлен и больной вынужден с ним считаться, он фиксирует свои бессознательные переживания на постороннем об'екте, на животном. Тот или иной вид животных для нервнобольного является символом отца; страх перед ним есть страх перед отцом.

Здесь вспомним, что и тотем всегда олицетворяется в каком-нибудь животном, что поклонение тотему покрывает страх перед ним первобытного человека, бессознательное враждебное отношение к этому тотему. Сопоставив ранее изложенные факты, мы придем к выводу, что тотем — животное есть символ, заместитель о т ц а, родоначальника племени; двойственное отношение к нему, есть двойственное отношение к отцу. Тут выясняется еще один, непонятный для социологов факт: запрещение вступать в брак с товарищем по тотему — ибо он является родственником по отцу.

Весь этот разбор доисторической, первобытной религиозной системы только подтверждает мысль, которую мы высказали вначале: р е л и г и о з н ы е   с и с т е м ы   п о с т р о е н ы   н а   д е т с к и х   б е с с о з н а т е л ь н ы х   в л е ч е н и я х   э д и п о в с к о г о   к о м п л е к с а. Верующее общество, нашедшее опору в религии, соответствует той ступени развития ребенка, когда он в процессе познания опирается на

авторитет родителей.* Иначе говоря, религиозное чувство человека, чувство зависимости от высших и в то же время близких сил, есть социальное претворение зависимости ребенка от ближайших (навязанных) об'ектов — родителей: „Узость отношений людей в сфере материальной жизни... отражается идеально в древних... религиях.**

Анализ любой религиозной системы, раскроет нам то же желание ребенка быть близким матери и убрать со своего пути отца. Общество подавляет это желание во имя социальных интересов и во имя этих же интересов дает ему выход в религии.

Взяв греческие религиозные построения, увидим, что Кронос кастрировал отца — Урана и, в свою очередь был свергнут сыном. Этого, конечно, для законченной религии недостаточно. Религия есть результат столкновения бессознательных влечений личности, „сыновнего сопротивления", и социального возмездия. Такое бессознательное строение откроет нам анализ религии любого народа — вне зависимости

* В этом отношении интересно описание Л. Толстого возникновения у него религиозных переживаний: „...странно, что та сила жизни, которая возвратилась ко мне, была не новая, а самая старая, та самая, которая влекла меня на первых порах моей жизни. Я вернулся во всем к самому пережитому, детскому и юношескому...". М. Рейснер. „Любовь, пол и религия."

** К. Маркс. Капитал, т. I.

Эту же мысль отмечает Покровский в своем „Очерке русской культуры". „В корне первобытной религии лежит не какое либо об'яснение... В основе религиозного мышления у дикаря лежит... аффект, исходная точка всякого сознательного процесса вообще".

от времени и места ее появления.* Египетский бог Озирис был супругом богини-матери Изиды и погиб. По этой же причине гибнет греческий Адонис, сирийский Аттис, персидский Митра. Взяв одну из наиболее законченных композиций — христианство, увидим, что и здесь сын — Христос сначала, вслед за его языческими предками, смертью искупает свою вину перед отцом, а потом также приближается к матери, как и бог-отец.**

Итак, бессознательные желания человека могут проявляться только в религии, основу которой они представляют, но и там они находят должное возмездие.

Впрочем, есть еще одна область проявления человеческого духа, область крупнейшего социального значения, воздвигнутая на таком же бессознательном основании. Происхождение изобразительных искусств социология выяснила достаточно. Впервые первобытный человек рисовал из магических, колдовских соображений: человека которого хотел убить, оружие, которым хотел обладать. Бессознательные желания с помощью искусства фиксировались в об'ективной

* Экономический базис отражается на форме идеологической надстройки, но не на сущности ее. Феодализм совпадает с „местными богами", соответствующими количеству экономически независимых областей. Дворянская революция и монархия, сопровождаются возникновением единобожия. Но взаимоотношения богов отдельного феода совпадают с поведением богов всего государства.

** „Он (христианин) создает бога, с которыми на ряду с удовлетворением потребности познания удовлетворяет половую потребность". Л. Фейербах, „Сущность христианства."

форме. И в наше время, внимательно рассмотрев биографии крупнейших художников, содержание выдающихся художественных произведений, мы увидим в них претворение тех же вытесненных, подавленных влечений. Художник, так же, как и обыденный человек, хочет быть богатым, окруженным красивой обстановкой, пользоваться любовью женщин.*

В то время, как обыватель — рядовой работник, принимающий формы своей работы за свыше данные и потому неизменные — свои желания разряжает в фантазии, представитель искусства сублимирует, претворяет их в высокой об'ективной форме. Эта форма и делает незаметным происхождение творчества из подавленных либидинозных стремлений, а в некоторых случаях, например, в литературе,— совершенно неузнаваемым. За то с тем большей уверенностью мы сможем защищать теорию Бессознательного, если при анализе наиболее ярких литературных произведений натолкнемся на бессознательные комплексы, которые мы установили в психике каждого человека и о которых сознание его не имеет представления.

Древняя изящная литература была, главным образом, устной (мифы). Анализ наиболее распространенных мифов просто раскрывает нам их бессознательную

* Анджелика, героиня „Грез“ Золя, поразительно изящно шьет. Между тем, все стремление ее невропатической натуры к красоте, художественному творчеству, основано на резко подавленном libido. Недаром же ей близкой родственницей приходится Нана, которая свою столь же острую чувственность удовлетворяет более простым путем.

сущность. В целом ряде мифов герой женится на матери, убивая отца (легенда об Эдипе, выше отмеченные религиозные мифы). В большинстве их герой сначала лишается родителей. Достигнув возмужалости убивает дядю (чрезвычайно похожего на отца и неправильно занявшего его место) и женится на жене дяди — то же, крайне напоминающей мать героя (легенда о Геркулесе).

Процесс исторического развития делает из мифа народную сказку. Разбирая сказку мы, в большинстве случаев, наталкиваемся на тот же комплекс Эдипа. Форма сказки зависит от производственных отношений времени и места, где она появилась. Бессознательная сущность ее всегда одна и та же. Одни и те же подавленные стремления встречаем мы во всех произведениях народного творчества, во всех мифах, легендах, былинах и сказках, которые вызывают в наших детях столько страха и любви. Любви — потому, что удовлетворяют бессознательные либидинозные стремления и страха — перед этими пробуждающимися стремлениями.* Вот почему отношение

*) При анализе сказки весьма интересно воспользоваться той символикой Бессознательного, о которой мы уже говорили (стр. 41). Дракон, чудовище, символизирует мужскую половую силу, отца. Отрубание головы — кастрацию. Царь и царица, король и королева — родителей. Вот почему в целом ряде сказок, в которых герой хочет жениться на случайно встреченной „царице" (на самом деле матери его), он предварительно должен отрубить голову (кастрировать) чудовище, претендующее на царицу — отца (греческие мифы о Персее, Тезее, гриммовская сказка о двух братьях и т. д.). Именно этой символикой об'ясняется страх

детей к сказкам нам представляется крайне сложным. В периоде подавления асоциальных, бессознательных стремлений, необходим выход для этих стремлений. Таким выходом, ирреальным удовлетворением бессознательного и является сказка. Развитие ребенка предопределено биологически. Лишить детей сказочной литературы, заменив ее трудами наших опытных станций (как сейчас предлагают сделать некоторые „сразу педологи"), значит — отправиться „в чужой монастырь со своим уставом" (вдобавок, с уставом весьма скверным. *

ребенка, с которым он следит за борьбой героя со змеем, сына с отцом, борьбой, удовлетворяющей его собственные бессознательные желания.

В некоторых мифах встречаем непосредственную борьбу сына с отцом. Герой сначала остается с матерью, потом отыскивает отца и вступает с ним в единоборство (былина об Илье Муромце, легенда о Рустеме и Зорабе). Поскольку произведения эти относятся к эпохе расцвета патриархата, и Илья Муромец и Рустем побеждают сыновей.

Очень часто встречаем мы противоположный мотив Эдиповского комплекса — влечение отца к дочери (сказка о Кощее Бессмертном, миф об Одине, боге-отце, и Валькириях, „Страшная месть" Гоголя, где особенно интересен сон Катерины и др.). На этой тенденции построена постоянная сказочная ревность мачехи к падчерице. И этот же мотив так усложняет процесс выдачи дочери замуж. Условия, поставленные отцом, будущему мужу дочери всегда предполагают его неминуемую смерть. („Венецианский купец" Шекспира).

* Как я покажу ниже, мы сможем значительно облегчить процесс „вытеснения". Тем самым будет сокращен и так назыв. „сказочный период". Не приходится говорить, что форма сказки должна естественно приспособиться к современным ей условиям.

Чем больше художник, чем ярче творчество его, тем прозрачнее для нас бессознательный смысл его произведений. Среди всей проведенной психоанализом в этой области работы, выделяется анализ „Гамлета“ Шекспира.

Гамлет, принц Датский, знает, что дядя его убил отца Гамлета и женился на матери, он ненавидит его, мечтает о мести:

„Тому кто отравил отца — монарха,
Кто матерь развратил...
С ним расчитаться не в праве ли моя рука?“

В то же время безволен, ничего не может предпринять, чтобы переживания свои облечь в реальную форму. А Гамлет далеко не труслив, далеко не может быть обвинен вообще в нерешительности. Сам о себе он говорит:

„Во мне для дела и сила есть, и средства
и желанья.“

Фортибранс выражает мнение всей Дании, когда заявляет:

„Он все величье царское явил бы
Когда-б остался жить.“

Не задумываясь, более чем свободно, он убивает Полония:

„Мышь!?
— Мертва, мертва, держу червонец!“

Так же решительно отделывается от Гильденштерна и Розенкранца.

Присмотревшись к отношению принца к матери, заметим (особенно в III-м акте), что оно переходит

нормальные границы. Когда-то, в далеком детстве, ребенок — Гамлет то же хотел убить отца и жениться на матери. Впоследствии желание это было вытеснено. (Все же преследуемый образом матери Гамлет уже не живет правильной половой жизнью: „все женщины ему скучны“). Сейчас ему предстоит наказать дядю за преступление, которое он сам ранее хотел совершить. И сделать это, т. е. фактически подчеркнуть недопустимость влечений, которые Гамлет чувствует в собственной душе,— выше его сил.

За то тогда, когда мать умерла и, следовательно, ситуация теряет свой бессознательный смысл — убив мужа, он не останется наедине с нею — как свободно, тот же, уже умирающий, Гамлет закалывает дядю.

Можно было бы привести еще несколько примеров. Все они подтвердили бы нашу точку зрения. Творчество художника, писателя истоки свои берет в бессознательном мире.* Только психоанализ, изучивший этот мир, может четко и определенно раскрыть нам смысл того или другого произведения.

---

* В этом лежит причина гибели Мартина Идена. Он творит, покуда удовлетворяет бессознательные желания — выбиться, подняться над обществом, овладеть любимой женщиной, Руфью. В силу жесткости окружающих условий, он не смог своевременно осуществить своих стремлений и был вынужден вывести их в фантазию. Когда в творчестве исчерпана вся энергия Бессознательного, Иден прекращает свою сознательную жизнь: „Что то словно оборвалось во мне. Я никогда не боялся жизни, но мне и не снилось, что я могу быть пресыщен ею. Жизнь так напитала меня, что у меня больше не осталось никаких желаний. (Дж. Лондон „Мартин Иден“).

Этот же бессознательный мир человека, породил и театр, представляющий собою другой вид об'ективизации личных подавленных стремлений. Греческая трагедия, средневековые „страсти господни“, современный театр — все они дают возможность зрителю выйти за пределы навязанных ему для сознательной жизни рамок, в ходе пьесы увидеть претворение собственных желаний. Психологическим недостатком каждой пьесы нашего времени является то, что она обязательно носит суб'ективный отпечаток сознательной работы автора. В этом смысле обширные возможности открываются перед кино, по крайней мере в его американской форме. В фильму входит только действие. Оценка этого действия предоставляется зрителю. Тем самым он может фиксировать свои личные бессознательные тенденции на любом из действующих лиц, следовательно, следить за развивающейся игрой с личной же точки зрения. Вот почему, кино в смысле об'ективного удовлетворения бессознательных запросов личности, стоит гораздо выше театра.*

III.

Целый ряд моментов (основными из них являются условия, в которых развивалось учение Фрейда и талантливость автора его) позволили психоанализу подняться над тысячью научных теорий и методов, полезных каждый в отдельности, но не выходящих

* Не приходится говорить о том, что технически (зрительные образы) кино вполне соответствует нашим снам и фантазии.

своей ценностью за пределы практического применения. Человеческой мысли предстоит в области идеологии произвести ту же революцию, которая начинается сейчас в экономике. Современное общество в целом столь же богато культурно, как и технически; точно также рациональное распределение идеологических ценностей поднимает современную культуру на небывалую высоту. Близок момент, когда этот великий синтез тысячелетних исканий человечества будет произведен, достойной надстройкой увенчает производственную структуру грядущего общества и заменит нелепую массу фактов и гипотез, пережитков и откровений, которую мы сейчас не без смелости называем „наукой“.

Одним из немногочисленных научных методов, соприкасающихся уже сейчас в своей работе со всеми другими отраслями знания, включающих в себя каждое новое достижение мысли, и возвращающих его переработанным с помощью собственных достижений, и является психоанализ. В своих исканиях психоанализ исходит от уже постигнутого им — от личности. Какова роль этого нашего „Я“, отдельной, невесомой на весах истории единицы, в общем ходе производственного процесса? В наше время склонны все явления целиком сводить к об'ективным условиям, так или иначе окружающим их. В борьбе за существование человечество сталкивается с природными („об'ективными“) условиями жизни; формы этого столкновения и определяют личность, класс, общество. Но чем об'ясним мы ту или иную ненормальность,

как личности так и общества,— начиная от невроза и кончая каким-либо уродливым историческим пережитком?— Ненормальностью обстановки, среды? Но можно ли назвать природные условия ненормальными, и, если сделать это, то что сможет тогда служить мерилом нормы?

Просмотрев религиозные построения народов, произведения искусства, личного творчества, мы увидим, что биологические моменты также кладут свой — и весьма крупный — отпечаток на формы проявления личности. Если взрослый человек действует, главным образом, под влиянием об'ективных моментов, то в значительной степени поведение его определяется также и биологическими (биогенетическими) переживаниями детства. Необходим лишь внутренний надлом— конфликт — чтобы стала ясной эта зависимость „Я" от сочетания двух начал — биологического (личного) и социального. Нам понятен общий ход процесса капиталистического производства, появление механизмов или источников энергии, которые ему необходимы, завершение его рациональной, социалистической организацией труда. Но, ведь был целый ряд изобретений, равно как и общественных движений, отнюдь не вызванных окружающей обстановкой, даже раздавленных впоследствии ею. Корни этих исторических вспышек мы должны искать в самой личности. И сделать это поможет нам психоанализ.

* *
*

Тот путь претворения бессознательных либидинозных желаний, которым идет творец художественного

произведения, доступен очень не многим. Большая часть людей либо сублимирует их в социальных ценностях и отчасти подавляет, либо — не будучи в состоянии это сделать — заболевает. На ряду со все большим усложнением культуры, происходит все более сильное „вытеснение". То, что было возможно в древнем мире, недопустимо у нас. Дототемистическая первобытная орда допускала кровосмешение, половое общение ближайших родственников. В древнем Египте это становится прерогативой высших классов: фараоны берут в жены исключительно сестер. Сейчас это уже совершенно невозможно.

Вместе с ростом вытеснения бессознательных желаний, растет число нервно-больных — людей которые не сумели это вытеснение произвести. Положение стало бы катастрофическим и предсказание Шпенглера о гибели европейской цивилизации нашли бы фактическую почву, если бы общий под'ем производства не подготовил новой фазы в развитии человеческого духа.

Мы указали, в свое время, что нарцизму, самовлюбленности ребенка, соответствует анимистическое мировоззрение дикаря. Оба, и ребенок и дикарь, определяются в своем поведении личными биологическими запросами своего „Я".

Комплекс Эдипа, бессознательное отображение зависимости ребенка от родителей, совпадает с религиозными композициями людей. Взрослый религиозный человек зависит от высших (внешних) авторитетов. Как и ребенок он вынужден приспособиться, подчиниться

окружающим условиям жизни. Вытесненное в Бессознательное, это подчинение претворяется в религию.

Но есть еще последняя стадия онтогенетического развития. Ребенок отщепляет свое libido от ближайших, навязанных об'ектов. Он становится человеком, внимание и энергию приковывает к тому, что сам выбрал и здесь уже кует свое личное и частицу общественного счастья.

К этой великой третьей стадии своей истории — стадии свободного выбора об'екта — человечество только подходит. Нет надобности говорить, что в оценке социальных явлений психоанализ является теорией материалистической. Это было уже отмечено Троцким.* Это же станет ясным при сравнении взглядов Маркса и Фрейда на любой общественный процесс (ср. понимание религии, стр. 55). Психоанализ лишь дает марксизму возможность целиком быть примененным к изучению психики нашей. Поскольку основная формула марксизма: „бытие определяет сознание", учение Фрейда психологически показывает нам, как это бытие, т. е. столкновение индивидуальных бессознательных тенденций с социальной действительностью преломляется и отражается на сознании.

И, учитывая положение марксизма о завершении капиталистической эпохи Коммунизмом, мы сможем подойти к этому явлению и со своей, психологической точки зрения.

Родовая первобытная община, с которой человечество начинает свое систематическое развитие, может

* „Литература и Революция" стр. 162.

считаться коммунистической. Экономика ее, построенная на свободном взаимодействии равноценных членов общины, была бы, в конечном счете, наиболее благоприятна для удовлетворения половых, социальных стремлений человека. Вся суть в том, что производственные отношения, так благоприятно складывающиеся для нашей второй биологической потребности — libido —, не могут удовлетворять первую — голод. Под флагом удовлетворения голода начинается и протекает до сих пор все развитие общества. Клеймо погони за едой ложится на экономику, через нее отражается в идеологии. Поскольку потребность питания есть личная потребность каждого отдельного индивидуума, этот индивидуализм начинает господствовать и в общественной жизни. В борьбе за существование возникает дифференциация, образуются классы. Но на какой бы ступени не стояло человечество, мы видим всегда одно и то же психологическое обоснование данной структуры общества. Ее определяет борьба с голодом, стремление к накоплению материальных ценностей. Человек занимает заранее указанное ему экономикой место, и уходит, ничего не видав, за ближайшими, извне ему навязанными об'ектами. Если он претендует на большее, чем может получить, — он погибает. Так погибли все преждевременные революции, изобретения — обладающие полным идеологическим обоснованием, но не имеющие экономического базиса. В момент возникновения им не было места в общественной системе накопления материальных ценностей, именуемой „государством“.

Производственные отношения, которые создает личность в борьбе за собственную жизнь, не могут дать выхода другим ее запросам. На каждой новой стадии развития производства все увеличивается „вытеснение“ и все беднее становится наше сознание. Через всю историю человечества красной нитью проходит стремление закрепить это „вытеснение“, подавление бессознательных запросов. Консерватизм, желание возможно более долгого сохранения готовых жизненных норм; вторичное переживание этих норм ввиде изучения истории; преклонение перед потерявшими всякую ценность историческими памятниками и формами работы (английский парламент, германские университеты, всякого рода исторические музеи), — все они имеют в основе своей это стремление окружить личность старыми, уже испытанными формами ее проявления, обусловленными данным содержанием Бессознательного и потому совпадающими с ним. Всякая даже вполне рациональная, перемена в об'ективных условиях существования человека для старого общества является опасной, так как эта перемена — революция — может дать выход неразряженной энергии Бессознательного. Уже в тот момент, когда первобытный человек столкнулся с необходимостью вести борьбу за существование и увидел, что для удовлетворения одного инстинкта (самосохранения) необходимо подавить другой (сексуальный), — возникли первые зачатки того ремесла, которое поставило своей задачей только надлежащее проведение „вытеснения“. Это т. н. „педагогика“. Воспитание

стремится так повлиять на вновь вступающих в жизнь индивидуумов, чтобы они, не отходя от среднего уровня данного общества, имели своей целью только участие в общественном процессе накопления ценностей. Большая часть людей принимает данную ей обстановку за свободно избранную, удовлетворяет себя в ней, а неудовлетворенные стремления подавляет. Некоторые, невротики, неудачно столкнувшись с реальностью, бегут от нее совсем, ищут спасения в болезни. Есть и такие, которые не могут примириться с условиями жизни, созданными без их участия. В то же время они слишком сильны, чтобы подавить свой протест. Эти люди — люди творчества — уходят в себя, в свое собственное „Я“. Фантазия художника принимает столь высокие формы, что теряет свой суб'ективный характер. Его личные, рожденные индивидуальным бессознательным миром, произведения становятся социальными ценностями.

Но среди здоровых людей, не выдерживающих столкновения с жизнью, есть еще определенное количество наименее одаренных, наименее полноценных. Они боятся разбить готовые формы социального бытия и в то же время не могут приспособиться к ним, — в обыденной реальности создать что-нибудь об'ективно заметное — не могут стать рабочей производительной единицей. Эти люди в большинстве становятся педагогами. Воспитатель (практик) не в состоянии в той или иной области сделать шаг вперед. Он является потребителем. Все приобретенные знания и навыки он передает новому

поколению работников, только вступающему в жизнь. Неудачный представитель зрелого, сформировавшегося общества, педагог в то же время является крупной единицей в детском коллективе. Мы уже указали, что процесс сублимирования в буржуазном обществе крайне затруднен. Если художник уходит от этого общества в глубины личных переживаний Бессознательного, то педагог — также результат неудачного столкновения с реальностью — уходит от этой реальности в организацию детей, в то же общество но в более доступном виде. Здесь, в мире ирреальных психических об'ектов, он проявляет ту свою независимость, ту оригинальную форму своей личности, которую ему не удалось проявить в мире реальном.

Само собою, роль работников просвещения в борьбе за повышение культурного уровня страны громадна; нет сомнения, что процент искалеченных питомцев наших школ ничтожен в сравнении с количеством тех из них, кто устоял против попыток педагога изломать его „по своему образу и подобию"; но также ясно, что в лице большей части воспитателей „по призванию" мы имеем наиболее надломленный элемент общества, и что желание наше социально обтесывать каждое новое поколение с помощью профессионалов, обходится человечеству слишком дорого.

Как бы то ни было, процесс исторического развития идет своим путем. Возникают все более сложные формы разделения труда. Область работы, отводимая отдельной личности, уже ни в коем случае не может принять и разрядить всю ее энергию. Но это же

усложнение производства, так губительно отражающееся на отдельной личности, в то же время повышает общий уровень коллектива. Сейчас человечество достаточно технически богато, чтобы при равномерном распределении материальных ценностей удовлетворить себя с этой стороны и дать выход другим запросам. Необходимо только это распределение произвести. В час, когда „экспроприаторы экспроприируются“ в распоряжении общества будет все, чтобы разрешить каждому работнику полноценное удовлетворение. Удовлетворение это не будет непосредственно сексуальным. Инфантильные переживания нами вытесняются навсегда и безвозвратно. Но у каждого человека есть своя возможность претворения, сублимирования его бессознательных сил. Эту возможность даст ему коммунистическое общество со своей сменой впечатлений, работ, прав и обязанностей, коммунистическое общество, в котором, как в биологическом растворе равных единиц, каждая будет кристаллизоваться в любой форме. Величие нашего времени и состоит в том, что Коммунизм — формы жизни, при которых одинаково удовлетворены и социальные (сознательные) и личные (бессознательные) потребности человека, общественный строй к которому биологически предопределенными дорогами рвались тысячелетиями и личность и коллектив, — этот общественный строй вызван сейчас и исторической необходимостью.

И если в обществе, к которому мы подходим, каждый индивидуум сумеет полностью претворить

свою внутреннюю энергию, libido, если это общество, по параллели с онтогенетическим развитием, является „стадией свободного выбора об'екта", то мы не должны забывать той роли, которую играет при образовании этой стадии процесс „вытеснения", проделываемый ребенком до пятнадцати лет и определяющий его развитие в дальнейшем. Слабое „вытеснение" у дикаря заставляет его подчиняться исключительно биологическим стремлениям. Недостаточное „вытеснение" человека старого общества приводит его к зависимости от тех или иных авторитетов,— зависимости, в основе которой лежит все тот же подавленный Эдиповский комплекс. Нам необходимо так обставить процесс „вытеснения", чтобы инфантильные переживания не входили в общую систему психической жизни индивидуума. Лишь энергия их должна быть отщеплена и разряжена в процессе сублимации.

Вот почему, психоанализ также должен будет столкнуться с вопросом о системе педагогики. Здесь, подходя к ребенку в плоскости общественной, с точки зрения социального воспитания, мы, прежде всего, встретимся с биогенетическим законом. В своем развитии ребенок повторяет развитие рода. Ясно, что если психика детей в определенном возрасте соответствует психике дикарей, то не их сознание соответствует этому,— сознание определяется окружающей обстановкой,— в бессознательный мир. Фрейд, Юнг, другие психоаналитики приводят значительное количество примеров тождества бессознательной психической деятельности современного ребенка и первобытного человека.

Фантазии некоторых нервно-больных, у которых всплывают переживания детства, в точности соответствуют религиозным композициям примитивных народов.

Выше уже было указано на одинаковое происхождение у ребенка и дикаря страха перед определенным видом животных. Точно также, анализ сновидений покажет нам, что детям бессознательно знаком смысл символов, которые мы встречаем в древнейших мифах.

Но наиболее четко проскальзывают тенденции бессознательного мира детей в их игре. Игра — если исключить моменты внешней подражательности — является средством выявления бессознательных желаний. Задумывались-ли мы когда нибудь над любовью ребенка к первобытному оружию: луку, стрелам? Сюда же относится и необ'яснимое тяготение детей (а иногда и взрослых) к огню — необ'яснимое в наше время, но имеющее весьма крупные основания в доисторическую эпоху. *

* Мне пришлось пару месяцев назад ознакомиться с докладом, в корне отрицающим биогенетику. „Пролетарский ребенок, читал я, целый день работает в заводе. Где уже тут переживать период индейщины"... Да, сознание ребенка занято совершенно другим. Он думает о куске хлеба, о своем рваном сапоге, о ручке машины, которую неизменно крутит целый день. Но дайте этому ребенку отдохнуть, предоставьте возможность в свободной игре проявить свой бессознательный мир—и, конечно, играть он будет именно в индейцев!

Работники просвещения знают, как иногда самые сдержанные дети под напором бессознательных переживаний, теряют все приобретенные навыки и в драке или игре не поддаются никаким методам воздействия на их сознание.

Именно, основываясь на биогенезисе, мы строим наш подход к ребенку на детском общественном движении. Социальное воспитание должно группировать детей не по возрастному, образовательному, или какому-нибудь другому цензу. Вспомним, что родовая первобытная община, которой на определенном уровне соответствуют наши дети, в социальном отношении представляла единый класс. Мы также должны об'единять детей в монолитные социальные образования с выборным вождем „вожаком", во главе.* Таким образованием и является детский коммунистический отряд. Поскольку целый ряд отклонений современного ребенка от нормы об'ясняется социальными моментами, поскольку многие из этих уклонов (уход из семьи в погоне за приключениями и т. д.) предопределены биологическими (биогенетическими) стремлениями детства,— коммунистическое воспитание, опирающееся на детскую организацию и учитывающее все запросы ее, сумеет поглотить ребенка целиком. Через этот маленький коллектив, детскую коммунистическую группу, общество будет так влиять на ребенка, как это ему, социальному целому, нужно. Ребенок будет избавлен от того одиночества, в котором сейчас проходят его первые попытки познания, одиночества, предопределяющего в значительной степени идеологию старого общества.

Само собой разумеется, что в вопросе о „подходе

* Именно этот фактор вызвал такой успех в организации различных детских движений Средневековья—детских крестовых походов, „Христова Братства" Саванароллы.

к ребенку“, социальном влиянии на общий ход развития личности, нам прийдется произвести полную переоценку всего имеющегося в этом отношении материала. Теория „свободного воспитания“ — яркое отражение индивидуализма в педагогике, совпадающее с футуризмом в искусстве, только несравненно менее плодотворное и талантливое — отпадает вместе с обществом, породившим ее. Личность будет гармонически развиваться лишь поскольку это ее развитие совпадет с общим ходом жизни коллектива. Если тот или иной ребенок в силу большей яркости атавистических переживаний вызовет перебой в этой жизни, коллектив не замедлит на него соответствующим образом реагировать — даже если эта реакция будет носить название „наказания“.

Точно также в методах преподавания отнюдь не будет преследоваться цель даже лучших из старых школ — наиболее легкое усвоение детьми необходимых сведений. Комплексный метод, как и многое другое, более крупное, взятое нами из практики буржуазного общества, крайне ценен для работы со взрослыми, помогая им с наименьшей затратой энергии расширить свой кругозор. Что же касается преподавания в нормальной школе, то оно поставит своей задачей далеко не голое сообщение знаний (фактов). Психологическая установка каждого ребенка предполагает определенную область труда, соответствующую сублимированной энергии его. И задача школы — выявить в ряду наук, отраслей практического знания, ту, в которой эта сублимация будет

произведена с наибольшим эффектом. Много данных за то, что школа в будущем совершенно исчезнет, ее заменит непосредственное знакомство детей с различными видами производства. Что же касается комплексного метода, своей сумбурностью вполне соответствующего „гармоническому развитию свободной личности", то он уже сейчас должен быть выключен из практики социального воспитания.*

Коль скоро психоанализ, примененный в психотехнике даст возможность учитывать и психическое предрасположение будущего работника, человек будет избавлен от необходимости вытеснять или удалять в нереальную жизнь (фантазию) некоторые свои стремления. Вот почему в прежнем смысле слова, в коммунистическом обществе не будет ни неврозов, ни религии, ни философии, ни искусства (как l'art pour l'art). Ведь мы видели, что и религия и творчество есть проявление не нашедших себе реального применения бессознательных сил. При других обстоятельствах,

---

* Предметная система совершенно не исключает расширения курса в сторону смежных областей. Ботаника будет непонятна без географического, геологического и др. уклонов в преподавании ее. Но это не значит, что все эти дисциплины нужно смешать в общую кучу вокруг какого-либо одинаково чуждого им всем момента и в таком виде преподнести детям. В каждой области знания нам важен тот особый научный метод, которым она строится. Задача школы детского возраста — дать ребенку возможность овладеть определенным, близким всей его конституции, методом; иначе говоря, помочь ему найти ту работу, в которой он сможет проявить свое „Я", полностью удовлетворяя себя и не причиняя вреда целому.

творцом религиозной системы овладевает невроз навязчивости, художник заболевает истерией, философ — паранойей. Все это одни и те же виды ухода от реальности, от обыденной жизни.

Человек всегда будет социальным существом, переживания первых стадий развития libido всегда будут вытесняться за пределы социальной части нашей психики—в Бессознательное. Сейчас мы разряжаем подавленную энергию в фантазии. В тот момент, когда фантазия станет жизнью, когда мы будем сами искать и создавать об'ективную обстановку своего творческого „Я", а не приспосабливаться с помощью „вытеснения" к ней, каждый разряд нашей личности найдет свое реальное применение. „Человек должен стать коллективным кузнецом своей исторической судьбы. Тогда он сумеет сбросить главную тяжесть труда на спины металлических рабов, овладеет стихией бессознательного в собственной душе и сосредочит все свои силы на творчестве новых, прекрасных, скульптурных форм сотрудничества... Могучая сила соревнования, которая в буржуазном обществе имела характер рыночной конкуренции, не исчезнет при социалистическом строе, а, говоря языком психоаналитики, сублимируется, т. е. примет более высокую и плодотворную форму: станет борьбой за свое мнение, свой проект, свой вкус... Дальнейшая эволюция искусства пойдет по пути все возрастающего слияния его с жизнью, т. е. с производством, народными праздниками, коллективно — семейным бытом". *

---

* Л. Троцкий „Литература и Революция". стр. 219, 171, 98.

Художник—творец, ищущий сейчас удовлетворения в процессе выявления творческой личности, в коммунистическом обществе найдет это удовлетворение, кладя отпечаток своей индивидуальности на то или иное общественное искание. Уже сейчас т. наз. „архитектурные памятники“ представляют первый шаг к переносу бессознательного творчества в реальную жизнь. Точно так же и все искусство в целом может быть непосредственно переброшено в реальность. Новые достижения в производстве, изобретения, всегда будут делом личного творчества; это же творчество сможет проявиться в более удачной форме того или иного общественного процесса. Пока на этот путь реализации своих достижений стал театр, уже сейчас сводящий на нет роль артиста и превращающий режиссера в организатора коллективного отдыха масс.

Коммунизм, таким образом, примирит те основные друг другу противоречащие, факторы, которые до сих пор обусловливали развитие отдельного „Я“ и Коллектива: индивидуалистические стремления, связанные с инстинктом самосохранения, и социальные запросы, основанные на libido, энергии инстинкта, продолжения рода Коммунистическое общество, предоставляющее выход всей личности в целом, будет определяться уже не конфликтом между основными тенденциями человека, а сочетанием их.

Вместе со всеми видами нереального творчества исчезнет и педагогика.

Прежде всего, коль скоро в многообразии коммунистического общества каждая единица сумеет

найти себе реальное место — не будет „педагогов“, людей, сейчас себе этого места не находящих. Педагог олицетворяет один из отрядов той полиции, которая охраняет безопасность коллектива. Каждому вновь вступающему члену общество открывает узкую лазейку к существованию, в виде определенной профессии, к которой он уже заранее предуготовлен целым рядом экономических моментов. Поскольку этот навязанный труд далеко не удовлетворяет работника, роль педагога и сводится к такому воздействию на его психику, чтобы подавленные запросы его не могли найти асоциальный выход. Новое общество, мучительное зарождение которого мы имеем счастье видеть, раскроет каждому человеку все виды удовлетворения. Не будет нужды в „вытеснении“, не будет неразряженных запасов психоэнергии,— исчезнет и возможность антиобщественного претворения этой энергии.

Тогда, когда общественный строй явится социальным претворением бессознательного мира человека, когда жизнь наша будет также точна, как философская система, и красива как произведение искусства — тогда только человечество освободится от бесплодной борьбы с лежащим вне сознания прошлым и совершит свой великий прыжок „из царства необходимости в царство свободы“.

БИБЛИОГРАФИЯ

УКАЗАТЕЛЬ

главнейшей литературы на русском языке.*

Вырубов Н. А. К вопросу о генезе и лечении невроза тревоги комбинированным гипноаналитическим методом „Психиатрия“ 1901—№ 1.

Бернштейн А. Н. Вопросы общей психопатологии „Соврем. Психиатрия“ 1901—№ 1.

Осипов Н. Е. Психологические и психопатологические взгляды Фрейда. „Журнал им. С. С. Корсакова“ 1908—№ 3—4.

Вырубов Н. А. Психоаналитический метод и его лечебное значение. „Журнал им. С. С. Корсакова“ 1909—№ 1—2.

Певницкий А. А. Навязчивые состояния, леченные по психоаналитическому методу Фрейда. Обозрение психиатрии, неврол. и экспер. психологии 1909—№ 4.

Вырубов Н. А. Психологические основы теории Фрейда о происхождении неврозов. „Современная психиатрия“ 1909—№ 2.

Фельцман О. Б. К вопросу о психоанализе и психотерапии. „Соврем. Психиатрия“ 1909—№ 5—6—7.

Осипов Н. Е. Последние работы Фрейдовской школы. „Журнал им. С. С. Корсакова“ 1909 № 3—4.

„Психотерапия“ Ежемесячный журнал, посвященный вопросам психоанализа М. 1910—1914.

Гейманович А. И. О психоаналитическом методе лечения неврозов. „Харьк. Мед. Журнал“ 1910.

Фрейд З. Пять лекций о психоанализе. М. 1911.

Дрознес Л. М. Об онанизме. Петр. 1911.

* В хронологическом порядке. В случае нескольких изданий одной и той же книги, отмечено последнее.

Рахманова А. Психоанализ и воспитание. „Русск. Школа“ 1912 № 7—8.

Дюбуа. Психоневрозы и их лечение. Петр. 1912.

Абрагам К. Сон и миф. М. 1912.

Лихницкий В. Н. Психотерапия и психоанализ. Одесса 1912.

Штекель. Что на дне души таится. М. 1912.

Кронфельд А. Психологическая механика. М. 1912.

Платонов К. И. „Екатерина Ивановна“. Л. Андреева. Х. 1913.

Роледер. Основы сексуальной педагогики. М. 1913.

Левенфельд. Сексуальные проблемы. М. 1913.

Штекель. Причины нервности. М. 1913.

Вальдштейн. Подсознательное „Я“. М. 1913.

Марциновский. Нервность и миросозерцание. М. 1913.

Фрейд З. Психологические этюды. М. 1913.

Фрейд З. Леонардо-да-Винчи 1913.

Фрейд З. Теория полового влечения. М. 1913.

Фрейд З. Толкование сновидений. Градива. М. 1913.

Фрейд З. Психоанализ детского страха. М. 1913.

Вайсфельд. Психоанализ и его применение в педагогике. „Вестник воспитания“ 1914—№ 4.

О. Ранк и Г. Закс. Значение психоанализа в науках о духе. Петр. 1914.

Прэнс. Бессознательное, как основа человеческой личности. М. 1915.

Рыжков В. Психоанализ, как система воспитания. „Путь Просвещения“ 1922—№ 6.

Кравков С. В. Самонаблюдение. М. 1922.

Быховский Б. О методологических основаниях метода Фрейда. „Под знаменем марксизма“ 1923—№ 11—12.

Залкинд А. Очерки культуры революционного времени. М. 1924.

Фрейд З. Психопаталогия обыденной жизни. М. 1924.

Фрейд З. Психология сна. М. 1924.

Фрейд З. Я и Оно. Петр. 1924.

Рейснер М. А. Фрейд и его школа о религии. „Печать и Революция“. 1924, III.

Рейснер М. А. Любовь, пол и религия. Рязань 1924.
Залкинд А. Фрейдизм и Марксизм. М. 1924.

В Издании Госиздата РСФСР выходит специальная „Психоаналитическая библиотека“ под редакц. проф. Ив. Ермакова.

Вышли в свет:

Вып. 1. З. Фрейд. Лекции по введению в психоанализ т. I.
Вып. 2. „ „ „ „ „ „ т. II.
Вып. 3. „ Основные психологические теории в психоанализе.
Вып. 4. „ Методика и техника психоанализа.
Вып. 5. „ и др. Психоанализ и учение о характере.
Вып. 6. „ Тотем и табу.
Вып. 8. „ Очерки по психологии сексуальности.
Вып. 14. Ив. Ермаков. Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина.
Вып. 18. Грин. Психоанализ в школе.

Для уяснения идеологической надстройки коммунистического общества крайне ценной является книга Л. Троцкого: „Литература и Революция“. М. 1923.

СОДЕРЖАНИЕ

140

СКЛАД ИЗДАНИЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КОСМОС»
Харьков, Шляпный пер. № 3